

удалось найти более или менее близкую литературную параллель к «Поучению». Попытки найти последнему аналогии в Притчах царя Соломона, Поучении Иисуса, сына Сирахова, Послании ап. Павла к Тимофею, Поучении патриарха Фотия Льву, Поучении Ксенофонта, «еже глагола к сыном своим» (Изборник 1076 г.), Поучении св. Феодоры Александрийской (там же) и т. п. ни к каким достоверным результатам не привели. Вряд ли Мономах мог допустить, что такие высокие жанры, как религиозное поучение, отеческое наставление или завещание, могли вызвать насмешку. Это было совершенно невозможно ввиду строгой этикетности жанров древнерусской литературы, а также противоречило элементарным христианским нормам (5-й заповеди) и граничило со святотатством.

Тревога Мономаха становится понятной, если признать, что он как писатель не был уверен в жанровой принадлежности своей «грамотицы», объединившей в себе поучения, выписки из Псалтыри, письмо по частному случаю, перечень походов и др.

Текст «грамотицы» рассыпается и дробится на части, внешне как будто не связанные друг с другом, написанные в разное время и на разные сюжеты, и все-таки для читателя они остаются объединенными. Чем же? Стержнем, объединяющим эти различные по своим жанровым прототипам части, является мироощущение автора, его внутреннее «я», сложное и противоречивое. Автобиографичны не только письмо и *itinerary*, но и цитаты из Псалтыри и творений отцов церкви, наставления и молитвы; автобиографичны не только отдельные части, но все «Поучение» в целом. Однако дает ли это нам право назвать «Поучение» автобиографией?

Вопрос о становлении и путях развития жанра автобиографии в древнерусской литературе является едва ли не самым спорным и наименее изученным. В. Е. Гусев ставит под сомнение само существование жанра автобиографии: «Существование собственно автобиографии как самостоятельного литературного жанра сомнительно. Автобиографический материал лишь тогда становится художественным, когда теряет свою исключительность, когда он перестает восприниматься читателем как описание одной жизни, жизни только этого человека, иными словами, когда этот материал типизируется».⁴⁹ Однако другие исследователи отмечают огромное его значение не только в развитии древнерусской литературы, но и в становлении литературы нового времени.⁵⁰ Исходя из предположения об однозначности философско-этической основы сознания древнерусского человека и безусловного господстве религиозного мышления, большинство исследователей считает, что возможности для появления автобиографического жанра создаются лишь в связи с кризисом последнего, и относит появление автобиографии к концу XVII в. (Житие Аввакума).⁵¹ Благодаря этому «Поучение» Владимира Мономаха остается фактически вне литературных жанров древней Руси (или подгоняется под какой-либо из традиционных жанров этого периода).

Нам представляется такой подход неверным. Жанр автобиографии, так же как и другие жанры русской литературы, появился не мгновенно.

⁴⁹ В. Е. Гусев. О жанре Жития протопопа Аввакума, стр. 195.

⁵⁰ Д. С. Лихачев. 1) Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 133; 2) Предпосылки возникновения жанра романа.—В кн.: История русского романа. М.—Л., 1962, стр. 26—39; В. В. Кожин. Роман—эпос нового времени.—В кн.: Теория литературы. М., 1964, стр. 111; ср.: В. Е. Гусев. Житие протопопа Аввакума—произведение демократической литературы XVII в.—ТОДРА, т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 384.

⁵¹ А. Н. Робинсон. Житие Епифания.—ТОДРА, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 203—224; Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, стр. 445.